

Храм Драгоценной Длани, крупнейший храм в Цзюянчэне, пользовался таким уважением, что даже самые дерзкие паломники не осмеливались вести себя неподобающе. Не найдя следов лисы, они вежливо сложили ладони и спросили у молодого послушника:

— Осмелимся спросить, уважаемый юный наставник, не видели ли вы здесь лису?

Молодой монах, приняв серьёзный вид, сложил руки в ответ и ответил:

— Недавно здесь пробежало красное животное, но оно скрылось так быстро, что я не успел разглядеть, была ли это лиса или хорёк.

Паломник мысленно усмехнулся:

«Покажи мне хоть одного красного хорька!»

Но вслух лишь поспешно поблагодарил и с товарищами направился в указанную сторону.

Молодой послушник, однако, продолжал бормотать им вслед:

— Амитофо! Мы, монахи, не лжём. Я не осмелился бы обмануть вас, уважаемые паломники. Но Будда милосерден, и Небо благоволит к жизни. Пожалуйста, пощадите эту лису...

Но его слова остались без внимания, и паломники уже скрылись из виду.

Послушник ещё немного осмотрелся, убедившись, что они не вернутся, и тихо сказал, глядя на дерево:

— Лисёнок, теперь безопасно, спускайся.

С дерева не последовало ответа, лишь через несколько секунд раздался тихий писк, полный тревоги.

Послушнику пришлось забраться на дерево, где он обнаружил маленькую рыжую лису, дрожащую от страха. Её пушистый хвост был зажат между лапок, и она не двигалась, словно окаменев.

— Эх ты, дикая лиса, боишься высоты, — усмехнулся он, поднял её и спустился с дерева, держа её в объятиях.

Лисёнок уютно устроился у него на груди, лишь рыжая голова выглядывала наружу, и он не желал двигаться.

Послушник нежно погладил её голову и задумчиво сказал:

— Твоя шерсть красная, как огонь, без единого пятнышка. За такой мех тебя точно не оставят в

покое. Пойдём, спрячемся.

Лисёнок, ещё не понимая его слов, чувствовал себя в безопасности в его объятиях и не хотел уходить. Когда послушник погладил его, он прижался головой к его ладони, выражая благодарность.

Послушник, растроганный, тайком провёл лисёнка в храм и спрятал его в дровяном сарае на заднем дворе, предупредив:

— Ни в коем случае не выходи. Когда они уйдут, я отведу тебя из храма.

Лисёнок, хоть и не понимал слов, уловил их смысл и послушно оставался в сарае. Услышав шум у двери, он прятался в углу среди дров, но, увидев послушника, тут же выбежал к нему.

Послушник принёс ему диких ягод и вздохнул:

— Монахам запрещено убивать, поэтому в храме нет мяса. Придётся тебе перебиться этими ягодами.

Лисёнок открыл маленький острый ротик и с удовольствием съел ягоду.

Послушник удивился и, погладив его хвост, сказал:

— Ты даже вегетарианцем оказался.

Лисёнок обвил его запястье своим мягким хвостом, хотя из-за его коротких лапок и хвоста это удалось лишь наполовину.

Послушник с нежностью гладил мягкую шерсть лисёнка, а затем встал:

— Пойду проверю, ушли ли они. Если да, то отведу тебя домой.

Лисёнку стало грустно при мысли о расставании.

Послушник, будучи осторожным и предусмотрительным, не оставил паломникам ни малейшего шанса обнаружить лису. Хотя они и заподозрили неладное, но не нашли доказательств, и через два дня ушли, смирившись с потерей.

Послушник подождал ещё день, убедившись, что паломники действительно сдались, и, как и раньше, спрятал лисёнка в своей одежде и вывел его через задние ворота храма. Дойдя до края персикового леса, он поставил лисёнка на землю, сложил руки и сказал:

— Амитофо, лисёнок, иди домой. Впредь будь осторожен, чтобы жадные люди не сняли с тебя шкурку.

Лисёнок стал тереться о ноги послушника, пища и не желая уходить.

Послушник присел, погладил его острые рыжие ушки и вздохнул:

— Я тоже привязался к тебе... и не хочу отпускать. Но храм — не твой дом, здесь слишком много людей. Если тебя снова увидят, я не смогу тебя защитить... Скорее возвращайся в свою нору.

Лисёнок, поняв его твёрдость и вспомнив о своих родных, издал печальный крик и побежал прочь.

Послушник смотрел ему вслед, пока рыжий силуэт не скрылся в высокой траве. Он опустил голову, вытер рукавом уголки глаз и с удивлением прошептал:

— Странно... Это же просто лисёнок, почему я плачу?

Но, подумав, что больше никогда не увидит этого милого создания, он почувствовал пустоту в сердце и боль, которая пронзила его. Слезы текли сами по себе, и он не мог их остановить.

На следующий день, после утренней молитвы, послушник отправился на склон горы за дровами. Когда он дошёл до заднего склона, услышал знакомый писк, и рыжий комочек прыгнул ему в объятия.

Послушник нахмурился, поднял лисёнка за загривок и увидел, что тот весь мокрый, словно только что вылез из воды.

— Ты опять вылез, глупый зверёк! Здесь часто бывают охотники, а ещё ставят капканы. Если попадёшь, кости сломаешь... И где ты так вымок?

Он чувствовал и радость, и досаду, последнее — из-за вчерашних слёз, которые оказались напрасными.

Лисёнок пищал и вырывался, а затем, опустившись на землю, нырнул в траву и исчез. Через мгновение он вернулся, держа во рту маленькую серебристую рыбку, и старательно поднял голову, чтобы подарить её послушнику.

Тот удивлённо посмотрел на него и спросил:

— Неужели... ты хочешь отблагодарить меня?

Лисёнок, видя, что послушник не берёт рыбку, начал быстро махать хвостом, хлопая им по траве. Послушник улыбнулся, поднял лисёнка вместе с рыбкой и положил в корзину.

— Такая маленькая рыбка ни на что не сгодится. Я покажу тебе, как поймать большую.

Он действительно отправился к ручью на склоне горы Белых Облаков, снял рясу, закатал штаны и вошёл в воду.

Хотя он вырос в монастыре, в душе он часто нарушал правила, но делал это так искусно, что никогда не попадался, и даже получал похвалы от наставника. Ловить рыбу для себя он умел хорошо.

Лисёнок сидел на берегу, не сводя с него чёрных глаз. Юный монах, с его бритой головой и чёткими чертами лица, выглядел почти как небожитель, когда сосредоточенно смотрел на воду.

В следующее мгновение он молниеносно двинулся, пробив поверхность воды, и поймал серебристую рыбу за жабры, точно бросив её на берег.

Рыба упала в траву, и лисёнок, сначала испугавшись, издал радостный писк и бросился к ней, но, увидев, что рыба почти такого же размера, как он сам, и отчаянно бьётся, отпрянул назад, прижавшись к земле. Его круглые чёрные глаза не отрывались от рыбы, и он ждал, пока та устанет, чтобы наброситься.

Послушник, наблюдая за этой сценой, почувствовал странную ностальгию. Ему казалось, что он уже видел это раньше, как будто это воспоминание было выгравировано в его душе. Он почувствовал ещё больше нежности к лисёнку.

Молодой монах потерял глаза, всё больше запутываясь. Ему было всего одиннадцать лет, жизнь только начиналась, откуда же взялись такие глубокие и печальные мысли? Он не стал раздумывать, поймал ещё одну рыбку поменьше и, достав из небольшой пещеры на берегу спрятанный горшок, быстро почистил рыбу и сварил вкуснейшую уху.

Серебристые рыбы с горы Белых Облаков славились своим вкусом и были любимы гурманами. Их мясо было нежным и лишённым малейшего запаха, достаточно было добавить щепотку соли, чтобы подчеркнуть вкус.

<http://bllate.org/book/15426/1365005>